

Как это было. Из воспоминаний о провозглашении КНР 1 октября 1949 г.

© 2009

С. Тихвинский

21 сентября в Бэйпине в присутствии 662 представителей — от КПК, всех демократических партий и групп страны, профсоюзов и других массовых общественных организаций, НОАК, беспартийных общественных деятелей, зарубежных китайцев — открылась первая сессия Народной политической консультативной конференции, взявшей на себя роль Учредительного собрания. 30 сентября на сессии НПКК были приняты Общая программа НПККК, Закон об организации Центрального народного правительства, Декларация об образовании Китайской Народной Республики, утверждены государственный флаг, герб и государственный гимн КНР. Сессия постановила вернуть Пекину его историческое название Бэйцзин (Северная столица — Пекин) и сделать его столицей КНР.

В ясное, солнечное утро 1 октября 1949 г., за несколько часов до начала исторической торжественной церемонии провозглашения Китайской Народной Республики, в город поездом из Северо-Восточного Китая прибыла делегация советской общественности во главе с известными писателями и общественными деятелями А.А. Фадеевым и К.М. Симоновым. Сотрудники генерального консульства, приехавшие на вокзал для их встречи, были немало удивлены, когда за несколько минут до подхода поезда на пустынном перроне появилась группа военных, которые бережно вели, поддерживая с двух сторон, бледного, с закрытыми глазами Чжоу Эньлая. Подойдя к нам, его помощник тихим голосом попросил не будить Чжоу Эньлая и пояснил, что тот четверо суток не смыкал глаз, так как руководил работой учредительной сессии Народной политической консультативной конференции.

Как только поезд стал приближаться к перрону, помощник разбудил Чжоу Эньлая. Очнувшись, тот с виноватым видом, но очень приветливо поздоровался с нами и потом горячо приветствовал членов советской делегации от имени Китайского государства, проявив трогательную заботу о заболевшем в дороге Фадееве. Спустя считанные часы, как всегда бодрый и подтянутый, Чжоу Эньлай вместе с другими руководителями избранного накануне Центрального народного правительства стоял на правительственной трибуне на площади Тяньаньмэнь.

К полудню огромную площадь перед бывшим императорским дворцом Гу-гуном заполнили жители города — рабочие и служащие, студенты и преподаватели, крестьяне пригородов. В ожидании начала праздничной церемонии все они оживленно переговаривались, тут же самодеятельные артисты исполняли танцы “ян-гэ” под гулкие звуки барабана. Царило неподдельное веселье, развевались красные флаги, играла музыка, четкими квадратами были построены подразделения НОАК, войска столичного гарнизона. Взоры всех устремлялись на главные ворота дворца — там на надвратной галерее, украшенной большими круглыми красными фонарями, собрались члены вновь избранного Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. Внизу у ворот, на возведенных по этому случаю деревянных трибунах, находились делегаты НПКК, руководящий состав КПК и демократических партий, представители общественных организаций, участники проходившей в то время в городе международной профсоюзной конференции, зарубежные гости.

Ровно в 15 часов генеральный секретарь Центрального народного правительства КНР, ветеран коммунистического движения Линь Боцюй объявил о начале торжественной церемонии. По команде председателя Центрального народного правительства Мао Цзэдуна на высоком флагштоке в центре площади медленно поднялся красный стяг с пятью звездами — государственный флаг КНР (четыре звезды, расположенных полукругом вокруг большой звезды, символизировавшей КПК, олицетворяли рабочий класс, крестьянство, мелкую буржуазию и национальную буржуазию). Под звуки “Марша добровольцев”, ставшего гимном КНР, прогремели 28 залпов артиллерийского салюта, символизировавших 28 лет борьбы Коммунистической партии Китая за победу. По окончании гимна и салюта Мао Цзэдун зачитал текст Декларации Центрального народного правительства об образовании Центрального народного правительства КНР, принятой накануне на заключительном заседании НПКК.

После того, как Мао Цзэдун огласил текст Декларации, начался военный парад, его принимал главнокомандующий НОАК, прославленный полководец Чжу Дэ, а командовал парадом генерал Не Жунчжэнь — командующий военным округом Северного Китая.

Непрерывным потоком на протяжении трех часов с востока на запад мимо центральных трибун и собравшихся на противоположной стороне площади жителей города двигались колонны моряков, пехотинцев, моторизованных частей, артиллерии, кавалерии. Внушительно выглядела трофейная американская военная техника, захваченная в боях с гоминьдановской армией. В небе промчались самолеты молодых военно-воздушных сил республики. Отлично прошедший военный парад наглядно продемонстрировал боевую мощь и выучку НОАК. Когда стало смеркаться, на площадь вступили колонны демонстрантов, в небо взмыли ракеты праздничного фейерверка.

Ко мне подошел Хань Сюй, помощник только что назначенного премьером Государственного административного совета и министром иностранных дел КНР Чжоу Эньляя, и передал мне просьбу не уезжать из генерального консульства на правительственный прием до тех пор, пока мне не доставят срочное письмо. И действительно, едва я вернулся с площади Тяньаньмэнь, в генеральное консульство прибыл Хань Сюй и вручил мне официальное письмо. Вот содержание полученного мной письма:

*Генеральному консулу Советского Союза в Пекине
Господину Тихвинскому.*

Настоящим извещаю Вас о том, что сегодня Председатель Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдун опубликовал декларацию.

При настоящем письме я направляю Вам эту декларацию и надеюсь, что Вы перешлете ее правительству Вашей уважаемой страны.

Я полагаю, что установление нормальных дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и различными государствами мира является необходимым.

*Министр иностранных дел
Центрального народного правительства
Китайской Народной Республики
Чжоу Эньлай
1 октября 1949 года, Пекин*

Переведя с китайского на русский текст письма Чжоу Эньлая и срочно по-слав телеграфом в Москву, я с женой поехал на правительственный прием в гостиницу “Пекин”, а на площади до глубокой ночи продолжалось гулянье.

Рано утром следующего дня московское радио оповестило весь мир о признании Советским Союзом Народной Республики в Китае. В телеграмме Чжоу Эньлая от 2 октября 1949 г. по поручению правительства СССР первый зам. министра иностранных дел А.А. Громыко уведомлял:

“Правительство Союза Советских Социалистических Республик настоящим подтверждает получение Декларации Центрального народного правительства Китая от 1 октября с.г. с предложением об установлении дипломатических отношений между Народной Республикой Китая и Советским Союзом.

Рассмотрев предложение Центрального народного правительства Китая, Советское правительство, движимое неизменным стремлением к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и уверенное в том, что Центральное народное правительство Китая является выразителем воли подавляющего большинства китайского народа, извещает Вас, что оно приняло решение — установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Народной Республикой Китая и обменяться послами”.

Вскоре из Москвы сообщили, что меня назначили временным поверенным в делах СССР в КНР. В этом качестве я присутствовал 5 октября на состоявшейся в дворцовом зале Хуайжэньтан (там, где в конце сентября проходила НПКК) учредительной конференции новой массовой организации — Общества китайско-советской дружбы, первым председателем которого был избран секретарь ЦК КПК Лю Шаоци, а его заместителями — Сун Цинлин, У Юйчжан, Шэнь Цзюньжу, Ли Цишэнь, Го Можо, Чжан Лань и Хуан Яньпэй. В состав Центрального правления ОКСД вошло 199 человек. В принятом уставе говорилось, что основная цель Общества — развитие, укрепление дружественных взаимоотношений Китая и СССР, содействие укреплению связей и сотрудничества между Китаем и СССР в области культуры, науки, экономики и в других областях, усиление единства между Китаем и СССР в общей борьбе за прочный мир во всем мире.

Вскоре я получил указание из Москвы запросить агреман на советского посла в Пекине Н.В. Роцина...

Когда Н.В. Роцин прибыл в Пекин, Чжоу Эньлай лично встретил его на вокзале, что не предусматривалось протоколом. Посол Советского Союза был первым дипломатом, аккредитованным в столице новой республики... Через несколько дней состоялась церемония вручения верительной грамоты. Вот как это происходило.

Роцин в сопровождении старших сотрудников посольства, одетых по такому случаю в парадную, черную с золотым шитьем дипломатическую форму, при кортиках, орденах и медалях, прибыл в Малый зал дворца Хуайжэньтан на территории Чжуннаньхая. Все советские дипломаты выстроились в ряд в ожидании появления председателя Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдуна, который вскоре вошел в зал вместе с Чжоу Эньлаем, генеральным секретарем правительства Линь Боцюем и членом Центрального народного правительства Не Жунчжэнем.

Выступив на несколько шагов вперед, посол Н.В. Роцин зачитал текст верительной грамоты (перевод которой я тут же повторил по-китайски) и сказал краткое приветственное слово в адрес китайского руководства.

Мао Цзэдун в ответ зачитал краткое заявление, в котором приветствовал установление Советским Союзом — первым из иностранных государств признавшим Китайскую Народную Республику — дипломатических отношений с КНР и заверил посла в том, что со стороны правительства КНР будет оказано полное содействие в выполнении им своих функций.

Печатается с разрешения автора по тексту: С.Л. Тихвинский. Провозглашение Китайской Народной Республики. В кн.: С.Л. Тихвинский. Избранные произведения в пяти книгах. Книга пятая. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 2006. С. 233-237.